

Завершение белорусизации в российско-белорусском приграничье в 1930-е гг.

Кобец Ольга Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Смоленский государственный университет

214000, ул. Пржевальского, д. 4, Смоленск, Российская Федерация

E-mail: cobets.olga@yandex.ru

ORCID: 0000-000-6058-160X

Цитирование

Кобец О. В. Завершение белорусизации в российско-белорусском приграничье в 1930-е гг. // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 159–177. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.07

Статья поступила в редакцию 06.09.2025.

Рецензирование завершено 17.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Финансирование

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00859 «Белорусизация в российско-белорусском приграничье в 1920–1930-е годы: практика национального строительства», <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>

Аннотация

В статье исследуется процесс завершения политики белорусизации в приграничных с БССР российских регионах, вошедших в 1929 г. в состав Западной области, – Смоленской, Брянской и значительной части Псковской губернии. Своего рода отправной точкой начала движения в сторону дебелорусизации стало постановление ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии», хотя некоторые проявления этого были заметны и несколько ранее, и инициировались они также Москвой. Примечательно, что на протяжении всех 1920-х гг. местные власти в целом противились проведению политики белорусизации, осуществлявшейся в значительной степени под постоянным и пристальным контролем и давлением со стороны Москвы. Однако, как только центральная власть перестала требовать и подталкивать проведение белорусизации,

местные структуры не стали спешить с радикальными действиями по свертыванию политики коренизации. Разворот в деле белорусизации в приграничных российских регионах не будет резким и одномоментным. Процесс перевода белорусских школ в русские растянется на несколько лет. Последнее решение Президиума областного исполнительного комитета по данному вопросу, уже в территориальных границах самостоятельной Смоленской области, состоится 31 августа 1938 г., когда в русские школы будут реорганизованы оставшиеся до того национальными последние еврейские, белорусские и цыганские школы.

Ключевые слова

Коренизация, белорусизация, национальные меньшинства, белорусские школы, российско-белорусское приграничье, Западная область.

Белорусизация как часть новой советской национальной политики, получившей после XII съезда РКП(б) общее название – «коренизация», в первую очередь, конечно, имела отношение непосредственно к самой Белоруссии. Точно так же, как и украинизация к Украине. Однако уже в начале 1920-х гг. Москва инициировала распространение новой политики и на регионы российско-белорусского и российско-украинского приграничья. Основным мотивом к этому, как отмечается в некоторых современных исследованиях¹, явился так называемый «польский фактор». После перехода к Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. значительных белорусских и украинских территорий, с населением, исчислявшимся миллионами человек, на уровне московских властей было решено проявить максимум внимания к белорусам и украинцам не только в формате отдельных республик, но и в российских регионах в местах компактного проживания этих национальных меньшинств.

¹ Борисёнок Ю. А. «Белорусизация» 1920-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 133–136; Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013; Борисёнок Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 55–65; Дроздов К. С. Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В. В. Трепавлова. Вып. 9. М., 2022. С. 204–225; Короткова Д. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59 и др.

В части белорусского населения это в первую очередь относилось к Смоленской губернии, с которой было связано, в том числе, и само провозглашение в конце декабря 1918 г. Социалистической Советской Республики Белоруссия (ССРБ). В 1924 г. административно белорусской станет входившая до того в состав РСФСР Витебская губерния, от которой в соседнюю Псковскую губернию будут переданы три уезда – Себежский, Невельский и Велижский². Созданная в 1920 г. Брянская губерния вначале будет граничить на юго-западе с российской Гомельской губернией, которая в конце 1926 г. станет частью БССР, передав три уезда Брянщине – Стародубский, Клинцовский и Новозыбковский.

Именно в таком территориальном формате для Смоленской, Псковской и Брянской губерний, как приграничных российских регионов, и будут проходить все процессы в рамках белорусизации на протяжении 1920-х гг. Многие аспекты реализации данной политики в указанных российских губерниях, включая трудности и достижения, отражены в работах смоленских исследователей³. При постановке вопроса о степени необходимости белорусизации в российских регионах в условиях, когда этому противилось само белорусское население, авторами выдвигается тезис о значительном давлении Москвы в продвижении этой политики вплоть до начала 1930-х гг. Движение в обратную сторону, т. е. своего рода дебелорусизация, в российских регионах после постановления ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии» и даже несколько ранее будет также инициировано Москвой. В 1933/34 гг. в районах созданной в 1929 г. приграничной с Белоруссией Западной области, объединившей в себе все субъекты российско-белорусского порубежья, будет происходить очередной, используя терминологию Ю. А. Борисёнка, «крутой поворот» в политике белорусизации.

После предварительных обследований белорусских школ, в августе 1934 г. последует вначале постановление бюро Западного обкома

2 После образования в 1929 г. Западной области с административным центром в Смоленске Велижский район перейдет в состав Смоленщины.

3 *Кобец О. В., Козин Е. В.* Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Смоленск, 2021; *Козин Е. В., Кобец О. В.* Белорусизация в российско-белорусском приграничье: Смоленщина, 1924–1929 гг. // *Белорусская думка*. 2019. № 8. С. 85–91; *Кобец О. В., Козин Е. В.* Белорусизация: разные подходы и оценки в зарубежной историографии // *Вопросы истории*. 2022. № 4 (2). С. 155–165; *Кобец О. В.* «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности) // *Известия СмолГУ*. 2021. № 1. С. 199–217 и др.

ВКП(б) «О сети белорусских школ», предписывавшее оставить белорусскими только те образовательные учреждения области, которые соответствовали требованиям национальной школы, как в части педагогического персонала, так и в части работы на родном языке. Следом был издан приказ Запоблоно о переводе с нового учебного года на русский язык не подпадавших под эти критерии белорусских школ.

Этот процесс не будет одномоментным. Он растянется на несколько лет. Последнее постановление Президиума областного исполнительного комитета по данному вопросу, уже в территориально самостоятельной Смоленской области, состоится только 31 августа 1938 г.; в русские школы реорганизовывались оставшиеся национальными 10 еврейских, 5 белорусских и 2 цыганские школы.

Фактически к середине 1930-х гг. в Западной области, в которую вошли все интересующие нас приграничные территории: полностью Смоленская и Брянская губернии и южная часть бывшей Псковской губернии в границах Великолукского округа, включая Себежский и Невельский уезды (районы), будет проведена своего рода «декоренизация» в вопросах национальной политики, произойдет отказ от навязываемого центральными властями в течение десятилетия создания национальных школ, перевода учебных заведений на родной для национальных меньшинств язык, внедрения его в работу сельских советов и иных учреждений.

В самом же начале 1930-х гг. тезис коренизации все еще будет оставаться в повестке дня партийных и советских органов власти в работе с нацменьшинствами.

В 1929 г. в только что образованной Западной области «громадное большинство населения» – 94,33 % составляли русские (почти 6 млн. чел.). Численность национальных меньшинств была около 400 тыс. человек, или 5,67 % всего населения области. Более четверти всех нацменьшинств составляли украинцы (136 тыс. чел.), причем 82 % из них жили в Клинцовском округе, непосредственно граничившем с Украиной. Следующей группой по численности являлись евреи – 95 тыс. человек. На третьем месте были белорусы – 78 тыс. человек. Далее шли латыши – 19 тыс., поляки – 13 тыс. и другие совсем малочисленные этносы⁴. Наиболее «пестрыми» в части национального состава

⁴ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. Р5. Оп. 1. Д. 304. Л. 226.

считались округа Великолукский, Клинцовский, Брянский и Смоленский. «Менее национальными» были Сухиничский, Ржевский и Вяземский округа, то есть не граничившие с Белоруссией районы.

Всего в области имелось 9 «чисто национальных» сельсоветов и 17 смешанных. Белорусских сельсоветов не было ни одного, даже в формате смешанных. В докладе «Об очередных задачах работы среди национальных меньшинств в Западной области» этот факт выделен следующим образом: «бросается в глаза полное отсутствие белорусских национальных сельсоветов»⁵.

Основным «отчетным показателем» степени коренизации национальных меньшинств являлись национальные школы и перевод их на родной язык преподавания. По данным областного отдела народного образования, в 1929–1930 учебном году в Западной области имелось 139 национальных школ первой ступени⁶; из них почти половину составляли белорусские (68 школ)⁷, 26 – еврейские, 19 – латышские, 11 – эстонские, 8 – украинские и др. Из 13 школ-семилеток почти все были еврейскими – 10 школ, 2 белорусские и 1 латышская. Было всего пять школ крестьянской / колхозной молодежи (ШКМ): две белорусские, по одной украинской, латышской и эстонской, и две школы-девятилетки – одна еврейская и одна белорусская⁸. Но не было белорусских ни детсадов, ни детдомов, ни профессионально-технических школ.

Отдельный тезис в докладе был посвящен ликвидации неграмотности. Он звучал так: «В системе народного образования до сего года не выделялась работа по ликвидации азбучной неграмотности среди национальных меньшинств на родном языке. Вся ликвидация неграмотности шла исключительно по изучению русской грамотности, и следует признать, что это поспособствовало выветриванию родного языка у национальных меньшинств»⁹.

5 Там же. Л. 227.

6 Положение о Единой трудовой школе 1918 г. устанавливало две ступени школьного образования: 1-я для детей в возрасте от 8 до 13 лет (5-летний курс), 2-я ступень для детей в возрасте 13–17 лет (4-летний курс).

7 Такой всплеск количества белорусских школ в значительной степени был искусственным, для нужной отчетности в Наркомпрос. Многие школы просто зачислялись в белорусские, работая в основном на русском языке. Это станет очевидным в результате инспекторских проверок начала 1930-х годов и послужит основанием для перевода их в статус русских школ.

8 ГАНИСО. Ф. Р5. Оп. 1. Д. 304. Л. 227.

9 Там же. Л. 228.

Общая же установка для руководства системой образования в области оставалась это время прежней: «Необходимо взять резкий курс на решительное внедрение в школу национального языка»¹⁰.

И этот тезис, как ни странно может показаться на фоне большого числа белорусских школ в сравнении даже в еврейскими (68 и 26 соответственно), в первую очередь относился именно к белорусским «национальным» школам. Инспектор по нацменработе Запоблоно З. Шефтер писал, что белорусизация в этих школах «хромает на обе ноги»¹¹, и уточнял – из-за плохого подбора педагогов и слабого знания ими белорусского языка, что и приводило к непопулярности белорусских школ. Давался пример: в 22 школах Невельского района, считавшихся белорусскими, только 7 учителей знали белорусский язык. В целом и по всему Великолуцкому округу в 1930 г., как отмечал в своем отчете инспектор окружного исполкома Березин, только в 5 школах преподавание велось полностью на белорусском языке, в остальных – на русском.

Примечательна и общая оценка состояния «культурного обслуживания» белорусского населения в Западной области, попавшая в протокол заседания Центрального совета при Президиуме Западного облисполкома от 1 марта 1930 г., на котором обсуждалась работа среди национальных меньшинств области и отдельно вопрос о культурном обслуживании белорусов. Констатировалось отсутствие точного учета белорусского населения в области, в связи с чем как неотложная ставилась задача «изучения белорусских районов, имея в виду в первую очередь определение границ распространения белорусского языка в Западной области»¹². Работу эту предполагалось провести при участии Белорусской академии наук, Смоленского государственного университета, краеведческих организаций и учительства.

Не удивительно в связи с этим, что в официальные областные документы уже попадают такого рода оценки белорусских школ: они «только носят это название»¹³.

В июле 1930 г. комиссия по национальным делам при Запоблисполкоме при рассмотрении вопроса о состоянии нацменработы в Рославльском округе также констатировала чрезвычайно слабую степень

10 Там же. Л. 235.

11 Там же. Д. 1217. Л. 7.

12 Великолуцкий филиал Государственного архива Псковской области (далее – Великолуцкий филиал ГАПО). Ф. В-223. Оп. 1. Д. 670. Л. 4.

13 Там же.

коренизации белорусской школы, «продолжающей в общем работать на русском языке»¹⁴.

В информационных сводках и докладах о работе Совета по просвещению национальностей нерусского языка (Совнацмена) Наркомпроса такой подход находит более развернутую трактовку с очевидным политическим подтекстом. Приведем фрагмент одного из таких обзоров почти в полном варианте: «Партия и Советская власть уже давно указали: школа на родном языке необходима не только для отсталых нацмен, но для самых передовых. Но, практически же, мы в вопросе развертывания школы на родном языке среди западных нацмен до сих пор встречаем в местных органах народного образования большее или меньшее сопротивление, в лучшем случае пассивное отношение, что сказывается на результатах работы. Самым ярким примером такого отношения служит работа среди украинцев и белорусов – вопрос, достаточно шумевший в прессе и стоящий в настоящее время на очереди в высших партийных и советских инстанциях [...] В результате получается нечто совершенно недопустимое: национальности имеют свои республики в пределах СССР (украинцы, белорусы) [...], в своих республиках они имеют густую сеть школ исключительно на родном языке, имеют богатейшую литературу и вообще культуру, и вдруг то или иное Губоно находит, что все это для представителей данных национальностей, находящихся на его территории, совершенно не нужно [...] Этот путь может повести к насильственной ассимиляции значительной части нац. населения»¹⁵.

Такой настрой быстро подхватывает местная печать. Так, автор одной из публикаций в основном печатном органе Западной области, газете «Рабочий путь», уже легко обвиняет местные власти в национал-шовинизме. В номере за 15 декабря 1929 г. читаем: «Проблема родного языка для нацменьшинств у нас в области совершенно еще не разрешена. Знание русского языка для нацменьшинств в сношениях с органами власти, по сути дела, у нас в Западной области еще обязательно. Конечно, нет у нас такого закона или обязательного постановления, по которому крестьянин-латыш не мог бы послать, примерно, в ближайший рик или в суд заявление на латышском языке, но фактическая обстановка такова, что она вынуждает его писать на русском языке. Тем самым русский язык становится принудительным языком

14 Там же. Д. 671. Л. 15.

15 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 323. Л. 65.

для нацменьшинств»¹⁶. В такой сложной обстановке, формируемой инициативно верховной властью и активно тиражируемой региональными печатными изданиями, местным властям во избежание обвинений в великодержавном шовинизме приходилось реагировать соответствующим образом зачастую вопреки имевшим место реалиям.

Способствовали этому и озвучиваемые в верхах «победоносные» показатели достижений и планов на самое ближайшее будущее. Как, например, в докладе председателя Комитета совета национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР А. Р. Рахимбаева на первом всероссийском съезде по всеобучу 19 февраля 1931 г. «О всеобуче среди национальностей РСФСР» говорилось, что власти и работники на местах «долгое время считали украинцев и белорусов ассимилированными с русскими и поэтому не считали нужным вести преподавание на их родном языке [...], и только после разъяснения XVI съезда партии в этом деле мы имеем громадный сдвиг: в ЦЧО 80 % украинских школ переведены на украинский язык; в Западной области 60 % белорусских школ переводятся на родной язык в 1931 году...»¹⁷.

Практически эти же показатели прозвучат и в докладе заведующего Запоблоно Карлика 11 марта 1932 г. на заседании Президиума созданного в 1929 г. Комитета по просвещению национальных меньшинств РСФСР Наркомпроса (Комнаца) о состоянии культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств Западной области.

«Коренизация в основном у нас проведена, – констатировал докладчик, – т. е. национальные школы в основном работают у нас на родном языке, за исключением белорусских и украинских школ, которые коренизированы в среднем на 50–60 %»¹⁸. Далее следовало уточнение, какие школы областные власти считали национальными. В эту категорию зачислялись в том числе и те учебные заведения, которые работали на национальных языках, но «без полного обеспечения учителями, которые могли бы преподавать на родном языке». Они все равно считались школами национальными, «поскольку большинство школьных предметов преподается на родном языке»¹⁹. В конце же следовало довольно обтекаемое признание, что «если все национальности работают на родном языке, то в отношении украинских и белорусских школ

16 Рабочий путь. 1929. 15 декабря.

17 ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 467. Л. 11.

18 Там же. Д. 479. Л. 4 об.

19 Там же.

дело обстоит неблагоприятно»²⁰. С пояснением, что под «неблагополучием» понималось наличие в белорусских школах отдельных дисциплин, которые «еще преподаются не на родном языке»²¹.

В целом работа в Западной области велась в самом начале 1930-х гг. по установкам коллегии Наркомпроса, определившей 26 декабря 1930 г. предельные сроки завершения «полной коренизации», т. е. полного перевода национальных школ на родной язык: по школам I ступени – не позже 1931/32 г., средней школы – не позже 1932/33 г. и высшей – 1933/34 г.²²

Для выполнения этого постановления приказом Наркомпроса от 20 января 1931 г. была создана бригада, а с 14 апреля 1931 г. – Комиссия по коренизации, работа, которой была признана коллегией Наркомпроса неудовлетворительной²³, а сроки завершения украинизации и белорусизации начальной школы по РСФСР в целом сдвигались на 1932/33 учебный год²⁴.

В архивных документах имеется статистический материал по детям-белорусам школьного возраста. В 1931 г. по всей Западной области всего было 8 912 детей-белорусов в возрасте от 6 до 14 лет²⁵. При этом белорусский язык как разговорный язык в семье указан всего у одного 6-летнего, одного в возрасте 8 лет, одного в 14 лет, у двоих 11-летних, троих 12-летних, четырех 8-летних и по 5 человек в возрасте 7 и 9 лет²⁶. Если исходить из ранее отмеченного нами основного требования к определению родного языка как языка бытового, т. е. и семейного общения, то по этому показателю у местных властей не было оснований к обязательному открытию белорусских школ.

Но общая установка на максимальное их создание продолжала работать. И, к примеру, летом 1931 г. Невельский райисполком, учитывая «слабое до этого года развертывание нацмен школьной сети в с/сов.[етах] с компактной массой белорусского населения», принимал решение с нового учебного года все школы Дубининского, Доминиковского и Соминского сельсоветов, всего 13 школ, «перевести целиком на белорусский язык». При этом здесь же звучала и реальная оценка положения дел с учительскими кадрами: после перевода

20 Там же.

21 Там же. Л. 5.

22 ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 452. Л. 35.

23 Там же. Л. 34.

24 Там же. Л. 37.

25 Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 425. Л. 7.

26 Там же. Л. 18.

этих школ на белорусский язык общая нехватка «белорусских кадров» должна была вырасти до цифры 18 человек, «каковые на месте в районе изысканы быть не могут». Надежды возлагались на помощь со стороны Запоблоно²⁷. А по всем 118 школам запланированной сети Невельского района общая нехватка в педагогах составляла 78 человек. И это только по одному району! И в то время, когда для местных органов власти главным в образовательной сфере являлся вопрос введения всеобщего, срыв сроков которого был недопустим.

Но для Наркомпроса также важным оставался и вопрос коренизации школ национальных меньшинств. Директивы центрального ведомства по этому вопросу не становились мягче. Скорее наоборот. Как, например, установка перевести на родной язык с 1931/32 учебного года все нацмень-школы повышенного типа. А кадровый вопрос предлагался к решению следующим образом. Предписывалось переводить на работу из общих школ в национальные всех «преподавателей-националов» или владеющих национальным языком. Все предметы в национальных школах должны были преподаваться на родном языке. Преподавателей, не владевших языком учащихся, следовало по возможности заменить «путем соответствующих переводов и перемещений»²⁸.

На практике же последняя установка мало где могла работать. В реалиях того времени переезд даже внутри одного района был трудноразрешимой задачей. Да и директивно такого рода вопросы не могли решаться. И потому основной проблемой и главным тормозом в политике коренизации для белорусских школ оставался так и не сдвинувшийся с места на протяжении десятилетия вопрос учительских кадров.

Местные ресурсы исчерпаны, писал в Запоблоно летом 1931 г. председатель Невельского РИКа и просил о помощи в вопросе комплектования кадров, чтобы не сорвать белорусизацию в районе, «как и в прошедшем году»²⁹. Весной 1932 г. по всем обследованным 16 белорусским школам Монастырщинского района следовало одинаковое заключение: «учителя плохо владеют белорусским языком». К этому шел комментарий с пояснением, что не только школа виновата в низком качестве работы национальных учебных заведений. Вопрос все громче ставился в иной плоскости: а зачем вообще проводить белорусизацию в школах и переводить преподавание на белорусский язык,

27 Там же. Д. 411. Л. 366.

28 Там же. Л. 497.

29 Там же. Л. 381.

если «окружающее население говорит на русском языке, и [...] работа в госучреждениях проводится тоже на русском языке»³⁰. Особо весомым аргументом здесь являлся непреложный факт полного отсутствия белорусских сельских советов. Не было ни одного, хотя бы смешанного. Что одновременно являлось и косвенным подтверждением отсутствия мест компактного проживания белорусского населения в приграничных российских регионах.

Но наработанными ранее ВЦИК и Наркомпросом РСФСР установками на продолжение коренизации для белорусских школ местные власти будут продолжать руководствоваться вплоть до 1933/34 г. Знаковым и рубежным событием для крутого поворота в политике белорусизации как в самой республике, так и тем более в российских регионах станет постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии». В документе прямо говорилось о недопустимости «прямого запрещения пользования русским языком в обращениях к государственным или иным органам в Белоруссии» и преследования за русскую речь даже в частной обстановке. Это должно было рассматриваться как прямое извращение национальной политики партии³¹.

Политические оценки поменялись, но какого-либо резкого разворота от политики коренизации в белорусских национальных школах в одночасье не последовало. Все же в 1932/33 учебном году в Западной области значилось 72 начальные белорусские школы и 17 средних. Довольно значительной была и численность учащихся в них: 7 767 чел. по начальной и 1903 ученика по средней школе при плановом увеличении на 1933/34 учебный год до 8 813 чел. в начальной и 2538 чел. по средней школе³².

В августе 1934 г. вначале последует постановление бюро Западного обкома ВКП(б) «О сети белорусских школ», и за ним приказ Запоблоно о переводе с нового учебного года белорусских школ на русский язык. Однако до принятия этих документов в национальных школах будут осуществлены соответствующие проверки.

Подавляющее большинство актов проверок будут говорить об одном – о «как бы» белорусских национальных школах в исследуемых нами приграничных с Белоруссией российских регионах.

30 Там же. Д. 751. Л. 390.

31 ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост.: Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005. С. 702.

32 ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 1131. Л. 88.

Возьмем для примера акты обследования Руднянского района. На момент проверки в районе было всего 147 школ. Из них 12 белорусских, 2 еврейские и 1 литовская. Из 12 белорусских школ 7 относились к категории начальных, а 5 – неполных средних (НСШ). Во всех этих школах обучалось 1734 ученика, что составляло 9 % ко всему контингенту учащихся района³³.

До 1925 г. на территории Руднянского района (тогда уезда) не было ни одной белорусской школы. Процесс белорусизации начался в местечке Любавичи по инициативе одного из местных учителей. К определению детского контингента, подлежащего обучению на белорусском языке как на родном, отнеслись тогда «без должного изучения и учета требований населения». В результате были открыты белорусские школы в таких населенных пунктах, где разговорный язык населения ничем не отличался от языка населения с русскими школами в округе. На момент обследования на расстоянии 3–4 км от каждой белорусской школы имелись русские школы.

Сама Любавичская неполная средняя школа находилась в 10 км от границы с Белоруссией. Она располагалась в двух школьных зданиях с достаточными площадями. Занятия велись в одну смену. Комплектовалась школа детьми Любавичского сельсовета и выпускниками находившейся в 4 км русской Ефремовской начальной школы. Количество учащихся в школе было значительным – 330 человек. Преподавание в первых 4 классах велось на белорусском языке. На русском языке преподавались предметы – математика, физика, химия, естествознание, география³⁴.

Руднянская белорусская начальная школа открылась в 1928 г. как базовая школа для создаваемого в то время в Рудне на основе белорусской девятилетки белорусского педагогического техникума. Интересен был принцип ее комплектования: если отец являлся коренным местным жителем, то он и его ребенок автоматически считались белорусами и, в обязательном порядке, учащийся направлялся в белорусскую школу³⁵. Когда же в 1933 г. от этого принципа отказались, то при свободном наборе в первый класс поступило всего 5 человек, и то не из Рудни, а из соседней деревни Буторово, по той причине, что в старших классах Руднянской школы учились их братья и сестры. Большинство же детей деревни Буторово ходили в свою деревенскую русскую школу³⁶. В Руднянской школе

33 Там же. Д. 1149. Л. 245.

34 Там же. Л. 242.

35 Там же. Л. 245, 249.

36 Там же. Л. 238.

было 59 учащихся. Занятия в школе велись на белорусском языке. Школа была обеспечена учебниками как на русском, так и на белорусском языке. Учителя хорошо владели белорусским языком, сами являлись белорусами. Русский язык как предмет изучался с 3 класса³⁷.

Совсем иными были заключения по трем другим начальным белорусским школам района – Кривинской, Одринской и Затесской. Школа «совершенно не коренизирована». Как учащиеся, так и учителя белорусского языка не знают. Разговорный язык учащихся – русский с примесью белорусских слов. Большинство учителей считали себя русскими, и их разговорная речь в быту велась на русском языке³⁸.

В целом по Руднянскому району дополнительно отмечалось, что к белорусизации школ часть населения отнеслась пассивно, большинство же хотело, чтобы их дети учились в русских школах. При этом подчеркивалось, что все советские и культурные учреждения района (сельсоветы, избы-читальни...) вели работу на русском языке³⁹.

Как открывались белорусские школы в далеком от Рудни Гордеевском районе (юго-запад нынешней Брянской области), в докладной записке на имя заведующего Западного губоно Н. С. Резникова изложил заведующий районного отдела образования. В районе имелось три белорусские школы: Антоновская и Шавинская начальные и Струго-Будская НСШ. «На протяжении 7-летнего существования их, – признавал заведующий, – приходилось несколько раз принимать меры воздействия на граждан, требующих русскую школу, и все-таки осенью 1933 г. д. Антоновки организованно не послала детей в школу. После проведенной работы дети были посланы, а часть граждан отдали своих детей в другие советы, т. е. в русскую школу. Сейчас опять поступают заявления от гр-н коллективно об открытии русской школы и просьба со стороны совета деревни Антоновки. Колхозники требуют такой школы, которая бы учила их на русском родном языке организовывать хозяйства, а не языко-обучение. [...] Я считаю, что колхозники правы, и нам пора перестать [...] калечить детей, которые изучают белорусский язык только для того, чтобы как наказание дразнить белорусскими словами товарищей по школе»⁴⁰.

Интересно и описание механизма открытия указанных школ. Заведующий районо в довольно резких формулировках представлял

37 Там же. Л. 249.

38 Там же. Л. 238.

39 Там же. Л. 245–245 об.

40 Там же. Л. 240.

процесс так: «Насаждали эти школы таким образом: в 1926 году приезжал некто инспектор белорусских школ т. Слесаренко по Клинцовскому уезду и на общем собрании говорил, что население ваше – белорусское, вас все равно присоединят к Белоруссии, а ваша школа будет белорусская... Все проголосовали против белорусской школы в 1926 г. Но школы были открыты. Нет ничего удивительного в том, что через 7 лет работы белорусской школы требуют русскую»⁴¹. И в самом конце явно выстраданное: «Нет такой необходимости иметь белорусские школы там, где нет белорусского населения»⁴².

Результаты обследования всех белорусских школ стали основанием для принятия бюро Западного обкома ВКП(б) в августе 1934 г. постановления «О сети белорусских школ». В нем наиболее сильной по формулировкам была вводная часть, в которой констатировалось ранее невозможное для публичного заявления. Высший партийный орган признавал, что «ряд белорусских школ области организованы без учета условий для их работы» и что «значительная часть этих школ по существу не коренизированы, а работают на русском языке»⁴³. В связи с чем перед облоно ставилась задача пересмотреть сеть белорусских школ, оставив как белорусские только те из них, которые имели «все условия для работы (разговорный язык, учительский состав)»⁴⁴.

Далее 23 августа 1934 г. последовал приказ Западного облоно о переводе с нового учебного года на русский язык первых белорусских школ. В первоначальном варианте приказа фигурировали четыре района (Невельский, Руднянский, Хиславичский и Гордеевский). Но в итоговом документе Хиславичский район был вычеркнут. Всего в приказе оказалось 13 школ. По большинству же пока не затронутых белорусских школ ставилась задача их полной коренизации и укрепления педагогическими кадрами⁴⁵.

То было своего рода осторожное пробное начало. После десятилетия активного продвижения темы коренизации местные власти не спешили с радикальными действиями. Тем более что имелись примеры и успешной работы белорусских школ. При этом общий курс на укрепление позиций русского языка и русских школ продолжался. У местных властей российских регионов появлялось больше свободы действий: теперь никто

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же. Л. 232.

44 Там же.

45 Там же. Л. 238 об.

не требовал «обязательной» белорусизации, была возможность спокойно оценить сделанное и определить шаги на ближайшее будущее.

В такой ситуации в 1934 г. был сформирован список белорусских школ Западной области, где напротив каждого учебного заведения имелась приписка с предложением: или оставить школу белорусской, или перевести в статус русской. Всего в списке с белорусскими школами было шесть районов области: Руднянский, Хиславичский, Монастырщинский, Невельский, Гордеевский и Шумячский. Таким образом, четыре района являлись базово смоленскими, один был брянским (Гордеевский) и один псковским (Невельский).

Общее количество белорусских школ в списке – 68. Из них предлагалось оставить белорусскими – 22, перевести в русские – 34, закрыть как малокомплектные – 2. По десяти школам Шумячского района сроки определения статуса сдвигались на конец лета 1934 г., но они уже были занесены в данный список. Примечательно, что на Брянщине, по наработанным предложениям, не должно было остаться ни одной белорусской школы, на Псковщине из 12 белорусскими оставались 10. На Смоленщине наибольшая «чистка» предлагалась по Руднянскому району (белорусскими оставались только две школы из 12) и по Монастырщинскому (оставить из 23 белорусскими только 5, остальные перевести в русские)⁴⁶.

В декабре 1934 г. Коллегия Наркомпроса РСФСР, рассматривая вопрос об итогах и задачах коренизации национальной культурно-просветительной сети в РСФСР, своими решениями еще больше закрепила общий курс на повышение роли русского языка. Коренизация в целом оценивалась как огромный успех ленинской национальной политики «в деле создания, укрепления и роста школы на родном языке»⁴⁷. Признавались и ошибки в ходе ее проведения: имел место «механический подход» к вопросам коренизации, когда последняя превращалась в самоцель – «коренизация во что бы то ни стало». На практике это приводило к «грубейшим извращениям и перегибам» в деле коренизации, когда последняя проводилась «чисто административными методами» без учета исторических, социально-экономических, политических и культурно-бытовых условий⁴⁸. Особо подчеркивалась важность качественного и своевременного обучения в школах нацменьшинств русского языка как «второго». На русском

46 Там же. Л. 280 об.–284.

47 Там же. Д. 1350. Л. 35.

48 Там же.

языке теперь даже разрешалось вести занятия по отдельным предметам и проводить внешкольную работу⁴⁹.

С большим опозданием, конечно, но все же было дано и пояснение, что следовало понимать под родным языком. Этот важнейший вопрос поднимался еще в середине 1920-х г. так называемой комиссией Луначарского, а на ее заседании 20 июля 1926 г. при обсуждении резолюции «Национальный язык, его роль и место в просветительной работе среди национальностей нерусского языка» предписывалось: как правило, эту работу среди национальностей не русского языка следовало вести на родном языке, которым при поступлении ребенка в школу должен был считаться «его и окружающей среды разговорный язык»⁵⁰. В тексте резолюции отдельно звучало требование рассматривать белорусов и украинцев, проживающих на территории РСФСР, «как национальные меньшинства и вести среди них работу на родном языке»⁵¹.

По истечении почти 10 лет Коллегия Наркомпроса вернулась к этому вопросу и определила родной язык как «живой, разговорный язык масс, язык ребенка, его семьи, быта, окружения, язык наиболее понятный и доступный ему»⁵². И дополнением к этому стала впервые прозвучавшая установка на недопустимость подмены родного языка, в указанном выше понимании, языком национальным, т. е. «языком формальной национальной принадлежности», поскольку именно эта «сознательная или бессознательная подмена» и стала, в оценке Наркомпроса, одним из «вреднейших уклонов в деле коренизации», что и вело на практике «к грубейшим извращениям»⁵³.

На начало 1935/36 учебного года по данным 78 районов и 3 городов Западной области в регионе оставалось 12 белорусских школ, в которых обучалось 1017 детей-белорусов в 1–4 классах и 322 учащихся в 5–7 классах; всего – 1339 человек. На фоне общего числа 5554 русских школ области, где только в одних начальных классах было почти 455 тыс. учеников при общей численности около 870 тыс. учащихся, это были, конечно, совсем незначительные цифры⁵⁴.

Как видим, имевший место разворот в деле белорусизации в приграничных российских регионах не был резким и одномоментным. Процесс перевода белорусских школ в русские растянется на несколько лет.

49 Там же. Л. 39, 40.

50 ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 184. Л. 58.

51 Там же. Л. 60.

52 ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 1350. Л. 36.

53 Там же.

54 Там же. Д. 1857. Л. 2.

Последнее решение Президиума областного исполнительного комитета по данному вопросу, уже в территориальных границах самостоятельной Смоленской области, состоится 31 августа 1938 г.: в русские школы с 1 сентября реорганизовывались остававшиеся до того национальными 10 еврейских, 5 белорусских и 2 цыганские школы⁵⁵.

Источники и литература

Борисёнок Ю. А. «Белорусизация» 1920-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 133–136.

Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 351 с.

Борисёнок Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 55–65.

Дроздов К. С. Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В. В. Трепавлова. Вып. 9. М.: Институт российской истории РАН, 2022. С. 204–225.

Кобец О. В. «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности) // Известия СмолГУ. 2021. № 1. С. 199–217. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация в российско-белорусском приграничье: Смоленщина, 1924–1929 гг. // Белорусская думка. 2019. № 8. С. 85–91.

Кобец О. В., Кодин Е. В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с.

Кобец О. В., Кодин Е. В. Белорусизация: разные подходы и оценки в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2022. № 4 (2). С. 155–165.

Короткова Д. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59. DOI: 10.31857/S0869544X0000850-8

Рабочий путь. 1929. 15 декабря.

Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине, 1918–1938 гг.: Документы и материалы / Гос. арх. Смол. обл.; [сост. Г. Н. Мозгунова и др.]. Смоленск: Смол. гос. пед. ин-т, 1994. 317 с.

⁵⁵ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине, 1918–1938 гг.: Документы и материалы. Смоленск, 1994. С. 307.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

References

Borisenok, Iu. A. “Pol’skii faktor v natsional’noi politike sovetskoii vlasti v Belorussii v 1920–1930-e gody.” *Novaia i noveishaia istoriia*, 2013, no 6. pp. 55–65.

Borisenok, Iu. A. “«Belorusizatsiia» 1920-kh godov.” *Voprosy istorii*, 2008, no 6, pp. 133–136.

Borisenok, Iu. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Pol’shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka*. Moscow: OOO «Rodina MEDIA», 2013, 351 p.

Drozdov, K. S. “Belorusizatsiia v Sovetskoii Rossii v 1920–1930-e gg.: tseli, metody i rezul’taty.” *Istoriia narodov Rossii v issledovaniakh i dokumentakh: K iubileiu V. V. Tre-pavlova*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2022, vol. 9, pp. 204–225.

Kobets, O. V. “«Prigovorennnye k belorusizatsii»: smolenskie belorusy v 1920-e gody (k voprosu o chislennosti).” *Izvestiia SmolGU*, 2021, no 1, pp. 199–217. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217

Kobets, O. V., Kodin, E. V. *Belorusizatsiia na Smolenshchine, 1920-e gody*. Smolensk: Izdatel’stvo SmolGU, 2021, 165 p.

Kobets, O. V., Kodin, E. V. “Belorusizatsiia: raznye podkhody i otsenki v zaru-bezhnoi istoriografii.” *Voprosy istorii*, 2022, no 4 (2), pp. 155–165.

Kodin, E. V., Kobets, O. V. “Belorusizatsiia v rossiisko-belorusskom prigranich’i: Smolenshchina, 1924–1929 gg.” *Belorusskaia dumka*, 2019, no 8, pp. 85–91.

Korotkova, D. “«Ukrupnenie BSSR» v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vliianiia v Pol’she.” *Slavianovedenie*, 2018, no 5, pp. 48–59. DOI: 10.31857/S0869544X0000850-8

Sud’by natsional’nykh men’shinstv na Smolenshchine, 1918–1938 gg.: Dokumenty i materialy, compl. by G. N. Mozgunova et al. Smolensk: Smol. gos. ped. institut, 1994, 317 p.

TsK RKP(b) – VKP(b) i natsional’nyi vopros. Kniga 1. 1918–1933 gg., compl. by L. S. Gataгова, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaia. Moscow: ROSSPEN, 2005, 784 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.07

O. V. Kobets

The End of Belarusization in the Russian-Belarusian Borderlands in the 1930s

Olga V. Kobets

Candidate of History, senior research fellow

Smolensk State University

214000, Ul. Przhevalskogo 4, Smolensk, Russian Federation

E-mail: kobets.olga@yandex.ru

ORCID: 0000-000-6058-160X

Citation

Kobets O. V. The End of Belarusization in the Russian-Belarusian Borderlands in the 1930s // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 159–177 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.07

Received: 06.09.2025.

Revised: 17.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

The study was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00859 “Belarusization in the Russian-Belarusian border region in the 1920s and 1930s: the practice of nation-building”, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>.

Abstract

The article examines the final stages of the Belarusization policy in the Russian regions bordering the BSSR, which in 1929 became part of the Western Oblast (the Smolensk, Bryansk, and much of the Pskov governorates). The de-belarusization process was largely triggered by the March 2, 1933, resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) “On the Distortion of the National Policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Belorussia,” though some signs of this shift, also initiated by Moscow, appeared earlier. Notably, throughout the 1920s, local authorities generally resisted Belarusization, which was implemented primarily under constant pressure and oversight from Moscow. However, once the central government ceased to enforce these policies, local structures did not immediately move to curtail the “korenizatsiia” (indigenization) efforts. The reversal of Belarusization in the Russian border regions was neither sudden nor instantaneous; the conversion of Belarusian schools into Russian ones spanned several years. The final decision by the Presidium of the Regional Executive Committee on this matter — within the borders of the then-independent Smolensk Oblast — was issued on August 31, 1938, when the last remaining national schools (Jewish, Belarusian, and Romani) were reorganized into Russian-language institutions.

Keywords

Korenizatsiia, Belarusization, national minorities, Belarusian schools, Russian-Belarusian borderlands, Western Oblast.